

Колокола нашей памяти о Второй мировой войне

Первый колокол: 27 января — День памяти о прорыве блокады Ленинграда

Механизмы военного «бульдозера» Третьего рейха работали с ужасающей скоростью. Захватив всю Европу и вероломно напав на СССР, нацисты удивлялись тому, что советский народ способен проявлять подлинный патриотизм. Стойкость Ленинграда и его жителей навечно войдут в историю России.

Известно, что в планы захватчиков входило сравнить с землей Москву и Ленинград - самые дорогие и родные для каждого гражданина России города. В подтверждение жутких планов нацистских агрессоров следует процитировать выдержку из дневника начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Франца Гальдера от 8 июля 1941 года: *«Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей с целью изгнания оттуда населения. В противном случае мы потом будем вынуждены кормить его в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки»*. Однако, пережив тяжелые невзгоды и понеся неслыханные потери, зажатый в тиски немецкими наци-фашистами, Ленинград и упорно сражавшиеся за каждую пять земли советские граждане, воплотили в жизнь слова Анны Ахматовой: *«Вражье знамя/ Растает, как дым,/ Правда за нами, /И мы победим!...»*

27 января - это важная историческая дата в календаре, «военная и мирная», которая объединяет целые народы, многие страны, ныне живущих в разных концах земного шара людей, ибо память о мужестве героев-освободителей, о «канувших и спасенных», о миллионах погибших от разорвавшихся бомб, от голода, от холода, от пыток и вражеских пуль в страшные годы Второй мировой войны крепким узлом связывает прошлое с настоящим. И, как говорится: завяжи узелок на память для будущих поколений. 27 января 1944 года блокада Ленинграда была прорвана. Об этом героическом событии в жизни города Санкт-Петербурга/Ленинграда Ольга Берггольц — известная советская поэтесса и прозаик, - сказала на Ленинградском радио: *«Ленинградская блокада, Ленинградская оборона и победа для нас, ее участников: женщин, солдат, поэтов, - совсем не прошлое и не просто воспоминания, хотя бы и драгоценное. Нет, это вечно живой опыт, неиссякающий источник мужества и творческой воли, к которому мы приникаем и будем прикипать еще долгие годы; животворящей водой которого мы хотели бы поделиться со всем человечеством и, прежде всего, со своими согражданами и, в первую очередь, с молодежью»*.

Из уст в уста, от отца к детям, от учителя к ученику с гордостью и достоинством передается эта эстафета памяти. Мы прислушиваемся к рассказам ветеранов и очевидцев на улицах, в школах, в колледжах профессионального образования и в университетских лекционных

залах, мы горячо сопереживаем всем тем, в ком эти слова: «Невозможно забыть»! - чеканят общую нашу победу: добра и мира в войне с абсолютным злом.

«В блокаду мы остались с мамой вдвоем. В нашей квартире собрались ее приятельницы, и сверху пришли. И в этой квартире, в одной комнате, которая была дальше всего от улицы, в глубине квартиры, все и сгрудилось. Стекла были выбиты, и одно окно закрыли вот этим ковром... Потом матрац прислонили к одному окну... Осколки снарядов залетали в окна, застревали в стенах... Тут его, ленинградца, обстреливали, обрушивали на него смерть — снаряды, бомбы. Тут его истребляли голодом. Он потерял здесь столько близких, соседей, здоровье потерял. А сейчас (здесь же!) живет, как все. Как все, только со всех сторон окружен памятью... И в нем самом она, та память о блокаде, о всем выстраданном, пройденном, пережитом вместе с миллионами других ленинградцев, которых уже нет, за которых тоже надо помнить, а если спрашивают — рассказать...». «Столько лет прошло, забывается все...». «Но ничто не забыто — это родившиеся в Ленинграде же слова звучат и как уверенность и как надежда, просьба. Да, не забыто — разве может человек такое забыть, даже если бы и хотел, имел право?!...» («Блокадная книга» Алеся Адамовича, Даниила Гранина). Именно этот вопрос: «Разве может человек такое забыть?», - уже имеет ответ. Нет, не дается человеку такого права: исказить, перечеркнуть историю, забыть. К сожалению, в наше сытое и сложное время XXI века можно обнаружить, что существуют попытки посмотреть в кривое зеркало истории, например, уменьшить или по-другому увидеть вклад Советского Союза в борьбе с наци-фашизмом как с мировым злом.

Профессор Людмила Родина из Санкт-Петербургского государственного университета подметила, что *«важным моментом стимуляции мышления обучающихся является создание и укрепление мотивации»*. Мотивация студента - это процесс, управляемый педагогом, развитие индивидуальных способностей, инициативности. Очень важно, чтобы студенты активно выполняли нестандартные задания, проявляя творческий талант и профессиональную заинтересованность.

Второй колокол: 27 января — Всемирный День памяти жертв Холокоста

-

27 января 1945 года началось освобождение концентрационного лагеря Освенцим (Аушвиц). В ходе наступления советских войск, 27 января 1945 года войсками 1-го Украинского фронта был освобождён крупнейший фашистский лагерь уничтожения Освенцим (немецкое название — Аушвиц), находящийся на территории Польши. Уже с 1933 года в подлые замыслы нацистов, которые леденят сердце любого порядочного человека, входило также «решение еврейского вопроса», то есть ликвидация евреев. Начали с травли и захвата коммерческих структур, принадлежащих евреям, грабежа имущества евреев и расовой дискриминации. Иудеофобия и антисемитизм достигли своего апогея, когда нацисты устраивали погромы, физически уничтожали миллионы евреев в концентрационных лагерях, тщательно спланировав массовые депортации евреев из всех доступных уголков оккупированных Германией территорий. Раздирающий душу вопль еврея в Варшавском гетто около стены Сиротского Дома Януша Корчака: *«Не вздумайте уезжать. Послушайте меня. Я из Латвии. Из Латвии. Кленовая 12. Я убежал от них, чтобы рассказать вам. Всех ждет смерть, смерть. У них такие печи. Они сжигают евреев в этих печах. Братья, братья...»*. Этого кричащего еврея немцы расстреляли (фильм «Януш Корчак-Korczak», 1990 г. производство Studio Filmone “Perspektywa” Regina Ziegler

FilmProduktion Telma Film International Erato Films ZDF BBC FILMS, Анджеа Вайде). Януш Корчак и двести детей были депортированы в концентрационный лагерь Треблинка в 1942 году. До последнего всемирно известный польский еврей - доктор Корчак - надеялся, что дети из его сиротского дома, будут трудиться и выживут. Он не думал о себе и пошел на смерть, понимая неотвратимость страшной беды, при этом он заботился о том, чтобы и дети, и он приняли достойно смерть со знаменем в руках. Януш Корчак и все дети погибли в Треблинке. Педагогические идеи Януша Корчака — это постоянный поиск скрытых связующих нитей между воспитанием детей и судьбой нашего будущего.

Примо Леви (1919 - 1987) — в 1941 году молодой, энергичный итальянец, еврей (дядя Габриэли был раввином), блестяще окончивший Туринский университет, выпускник химического факультета, мечтающий о счастливом высоконравственном обществе с прогрессивными идеями. Война, развязанная Гитлером и нацистами (Германия, Италия и Япония), коснулась миллионов людей. «Двуногий рабочий скот» подлежал селекции — здоровых отправляли на тяжелые работы, слабых — в лагерь смерти. Славяне, цыгане, коммунисты и другие подлежали уничтожению. В особенности стоял вопрос о полном и окончательном решении еврейского вопроса. Еврей — это номер, не человек. Примо Леви пишет об этом: *«С абсурдной пунктуальностью, к которой нам в скором времени пришлось привыкнуть, немцы провели переключку. Напоследок обершарфюрер спросил: «Wieviel Stück?» («Сколько штук?»). Роттенфюрер вытянулся по стойке «смирно» и доложил, что «штук» шестьсот пятьдесят, все сходится... Там нас уже ждали поезда... Там же на нас посыпались первые удары... как можно просто так, ни за что, бить человека?.. Вагонов было двенадцать, нас — шестьсот пятьдесят... товарные вагоны до отказа забитые, точно бросовым грузом, мужчинами, женщинами, детьми, чей путь лежит в никуда, в пропасть, на дно. Из сорока пяти моих попутчиков только четверем выпало вернуться домой... Мы страдали от жажды и холода...»*. Долгий и мучительный путь «в никуда» имел конечный пункт назначения: Аушвиц (Освенцим). Примо Леви написал в книге «Человек ли это?»: *«Когда грузовик остановился, мы увидели большие ворота, а над ними ярко освещенную надпись (воспоминание о ней и поныне преследует меня во сне): ARBEIT MACHT FREI — труд делает свободным... Это Ад...»*. «Площадь для переключек, на которой до сих пор стояли бок о бок виселица и огромная новогодняя елка, и ворота в рабство с еще отчетливо различимыми, но уже утратившими всякий смысл тремя издательскими словами («Периодическая система» Примо Леви)...

У Примо Леви было предписание для работы на заводе Буна, построенного на территории концлагеря Освенцим. Это химический завод по производству искусственного каучука. Знание немецкого языка и химии спасли жизнь Примо Леви, а, может быть, это провидение чудесным образом определило судьбу итальянского еврея, чтобы он рассказал миру о войне, о концлагере, об ужасах и унижениях, о жизни и смерти в концлагере Освенцим, о том, что в действительности происходило с заключенными: *«Подопытный блок ... газовые камеры... «...Это вам не санаторий, это немецкий лагерь, это Освенцим, и отсюда один выход, через трубу! А кому не нравится, пусть идет и хватается за проволоку, она всегда под током...» («Человек ли это?», глава «Большой лагерь»)*. Именно эти свидетельские показания Примо Леви — «послания из прошлого в будущее» - мы разбираем на уроках Памяти.

Примо Леви принесли широкую известность и, можно сказать, мировую литературную славу книги: «Человек ли это?», «Передышка», «Периодическая система», «Ключ-звезда» (книга выиграла премию Стрега (Strega) в Италии в 1978 году); «Кильки I» и «Кильки II»

(«Ancciuغه I» , «Ancciuغه II»); «Харчевня Брема» («L'Osteria Brema»); «Поиск корней» («La ricerca della radici»); «Лилит» («Lilit») и другие повести.

События января 1945 года Примо Леви описывает на страницах автобиографической книги «Человек ли это?»: *«Одиннадцатого января 1945 года я заболел скарлатиной и вторично попал в Ка-бо, на этот раз в Infektionsabteilung (инфекционное отделение). К этому времени мы уже много месяцев подряд слышали с перерывами грохот русских пушек... Так называемое инфекционное отделение представляло собой одну комнату... У меня держалась высокая температура. Благодаря солидному лагерному опыту я пронес с собой кое-какие личные вещи: плетеный пояс из электрического провода, ложку-нож, иголку с тремя моточками ниток, пять пуговиц и, наконец, восемнадцать кремней из лаборатории. Если каждый из них аккуратно распилить ножом, можно получить три маленьких, как раз для зажигалок. Каждый такой кремль, стоил шесть, а то и семь хлебных паек... - Слышали? - спросил я их. - Завтра лагерь эвакуируют... - Куда эвакуируют? Пешком поведут? Больных тоже?... 18 января. ... Снаружи было около 20 градусов мороза... Что с нами будет — мы не знали. Часть эссесовцев оставалась в лагере, на некоторых вышках находилась охрана. Около полудня обершартфюрер СС обошел все бараки, в каждом назначал старшего из неевреев и приказа незамедлительно составить списки больных, евреев и неевреев отдельно. Все было предельно ясно: немцы до последнего не изменили своей национальной любви к классификациям, поэтому ни один еврей не надеялся дожить до следующего утра... Я спустился с нар. Сначала бомбы падали далеко, но вот грохнуло совсем рядом, и, прежде чем, я успел что-то сообразить, меня оглушил второй взрыв, потом третий. Посыпались стекла, барак заходил ходуном, звякнула ложка, которую я засовывал в щель между досками... Уже через минуту стало ясно, что бомбы попали в лагерь: два барака пылали, от двух других вообще ничего не осталось... Было страшно холодно... 27 января. Пришел черед Сомоши. Пятидесятилетний венгерский химик, худой, высокий, молчаливый, он начал уже поправляться после тифа и скарлатины, как вдруг у него резко подскочила температура... Вечером он начал бредить.... В своем последнем... сне он был униженным рабом,... бормотал ... «Jawohl»... До этого я даже не думал, что смерть человека может быть такой мучительной... Вокруг только и говорят о приходе русских...». Примо Леви описывает нечеловеческие страдания, страх и боль, «восьмидневную борьбу за выживание в лагере среди мертвецов и живых трупов». Наконец-то появилась надежда на освобождение.*

Читая статью о Примо Леви и миллионах убиенных во время Второй мировой войны, понимаешь важность учительского долга донести до студента горькую правду страшного военного времени. Надо задуматься и содрогнуться (когда-то Премьер-Министр Израиля Голда Меир сказала, выступая в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке (США): «Я хочу, чтобы мир узнал и содрогнулся...»), то есть не забыть.

Третий колокол: важная задача системы образования и педагогов

Первостепенная задача, которую должна ставить перед собой система образования, - это воспитание гражданина, любящего свою страну, свой край, свой народ. Поэтому 27 января 2017 года вновь звонят колокола нашей памяти о прорыве блокады Ленинграда и о жертвах Холокоста во Второй мировой войне.

Освенцим/Треблинка (Польша) Примо Леви: *«Жизнь... это обычная лагерная жизнь... В таких тяжелых условиях, придавленные ко дну, жили многие люди в те дни... Возможно, кто-то спросит, стоит ли, имеет ли вообще смысл хранить память об этих исключительных условиях существования. Ответ на такой вопрос может быть только утвердительным. У нас нет сомнения в том, что любой человеческий опыт достоин осмысления и анализа, а уж тем более тот особый опыт, о котором здесь идет речь: изучение его позволяет сделать хотя и неутешительные, но бесспорные выводы...».*

Ленинград. Даниил Гранин и Алесь Адамович: *«...Память о блокаде, о всем выстраданном, пройденном, пережитом вместе с миллионами других ленинградцев, которых уже нет, за которых тоже надо помнить, а если спрашивают — рассказать...»*

Ленинград. Ольга Берггольц продолжает: *«Это вечно живой опыт, неиссякающий источник мужества и творческой воли, к которому мы приникаем и будем приникать еще долгие годы ...»*

Санкт-Петербург (Россия) и Генуя/Турин (Италия). Преподаватели и студенты: *«Потому что все это невозможно забыть!».*

Лариса Коста-Белобржецкая, преподаватель Политехнического университета Петра Великого, университетского политехнического колледжа, Санкт-Петербург, член Дома ученых РАН в Санкт-Петербурге, член Российского химического общества имени Д. И. Менделеева при Санкт-Петербургском государственном университете,

Леслие Рахиль Коста, студентка кафедры русского языка факультета иностранных языков и коммуникаций Генуэзского государственного университета, Генуя, Италия.